

10. Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серю; предисл. Ю. С. Степанова. — М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. — 416 с.
11. Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XVI: Лингвистическая прагматика / Общ. ред. Е. В. Падучевой. — М.: Прогресс, 1985. — С. 419-438.
12. GfW. — Großes Fremdwörterbuch / Leitf. Ruth Kufner. — Leipzig: Bibliographisches Institut, 1980. — 824 S.
13. Pêcheux M. Les Verites de La Palice. — Linguistique, semantique, philosophie. — Paris: Maspero, 1975.

В. С. ПУГАЧ
г. Белгород

ПРАГМАТИКА ГЛАГОЛОВ УМСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УКЛОНЧИВЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

Известно, что понятие речевого акта было введено в лингвистику представителями Оксфордской школы (Д. Остин, Д. Серль, П. Ф. Стросон) в 60-е годы XX в. и, получив дальнейшую разработку в трудах их последователей как за рубежом, так и в бывшем СССР, легло в основу изучения речевых актов как одного из вариантов теории речевой деятельности. При всех сильных и слабых сторонах теории речевых актов это понятие оказалось весьма плодотворным при исследовании многих проблем речевого общения, в том числе проблемы типов речевых реагирований на полученный стимул (см. критический анализ теории речевых актов [Кобозева, 1986, 7-21]).

Разные типы речевых актов отличаются определенным набором параметров. Дж. Серль выделяет двенадцать различных признаков речевого акта [Серль, 1986, 171-177], среди которых основным является иллокутивная цель — коммуникативный замысел говорящего оказать определенное воздействие на адресата и вызвать соответствующее этому замыслу изменение в его действиях, мыслях, чувствах. Двумя другими важными прагматическими компонентами в структуре речевого акта, по Дж. Серлю, являются направление приспособления между словами и миром (от слов к миру (наоборот) и выраженное психологическое состояние говорящего. Немаловажное значение имеют также такие параметры как иллокутивная сила, интересы говорящего и слушающего, их фоновые знания, взаимоотношения, соотносённость речевого акта с остальной частью дискурса и другие. На основе выделенных различий им была разработана таксономия речевых актов, представленная пятью основными типами: репрезентативами, директивами, коммиссивами, экспрессивами и декларациями [Серль, 1986, 180-188]. Отметим, что впоследствии данная классификация речевых актов неоднократно подвергалась поправкам и уточнениям. Так, В. Г. Гак, принимая в целом, отнес четыре из выделенных Дж. Серлем типов (кроме экспрессивов) к так называемым информативным речевым актам и дополнил ее

неинформативными речевыми актами, включив в них контактоустанавливающие и эмоционально-оценочные [Гак, 1982, 14].

Для нашего анализа за основу была принята классификация Дж.Серля с некоторыми изменениями. Разделяя точку зрения О.В. Куликовой [Куликова, 1989, 9], мы проводим различие в первом типе речевых актов — репрезентативах между собственно репрезентативами (констативами), целью которых является констатация фактов, сообщение объективных данных, и ассертивами, передающими не только соответствующую информацию, но и отражающими позицию говорящего по отношению к сообщаемому. Оценочные суждения также выводятся в работе из репрезентативов и считаются, вслед за Е.М. Вольф [Вольф, 1985], особым видом речевых актов, относящихся к классу экспрессивов.

Другим типом речевого акта, согласно классификации Дж.Серля, являются комиссивы. Пропозициональное значение комиссива состоит в том, что говорящий совершает какое-либо будущее действие, и оно выражено содержанием прилаточного предложения.

Обозначаемая директивами иллокутивная цель — воздействие на слушающего для того, чтобы он совершил какое-то действие в будущем.

Вопросительные конструкции рассматриваются в данной работе как частный случай директивов, поскольку вопрос — это попытка говорящего сделать так, чтобы слушающий ответил, т. е. произвел некоторое речевое действие [Серль, 1986, 182].

К классу экспрессивов, по классификации Дж.Серля, относятся речевые акты, иллокутивная цель которых — выразить психологическое состояние говорящего: радость, сожаление, сочувствие, благодарность и т.д.

В уклончивом речевом акте, как и в любом другом действии, можно выделить локутивный (произнесение высказывания), иллокутивный (намерение говорящего достичь цели высказывания) и перлокутивный (воздействие на адресата) акты. Таким образом, уклончивое высказывание удовлетворяет определению речевого акта как целенаправленного речевого действия, совершаемого в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе [Серль, 1986, 412], или с нарушением конверсационных максим, обладает иллокутивной силой и способно воздействовать на сознание адресата, вызывая определенный перлокутивный эффект.

В данной статье предпринимается попытка установить взаимосвязь между семантикой глаголов умственной деятельности и типовыми характеристиками уклончивых речевых актов, в которых они используются. С целью определения, какие прагматические функции они выполняют в таких случаях, и какие изменения обнаруживаются при этом в их значении.

Поскольку уклончивые ответы на вопросы являются характерной чертой речи политиков, дипломатов, государственных и общественных

деятели. то часто лица, дающие ответы перед аудиторией, прибегают к формам скрытого уклонения. В таких актах отвечающий не показывает, что не дает ответа, претендующего на сотрудничество, а делает вид, что своим откликом отвечает на вопрос, в то время как фактически этого не происходит. Собеседник, пытающийся скрыто уклониться от ответа на вопрос, дает ответ, манипулирующий семантическим содержанием вопроса, то есть адресат, делающий вид, что отвечает на заданный вопрос, в действительности отвечает на совсем другой вопрос.

Анализ фактического материала позволил выделить наиболее частотные речевые акты, в которых встречается феномен уклонения — асертивы и констативы (репрезентативы). В таких речевых актах наблюдается преимущественное использование глаголов умственной деятельности в прагматических функциях. Можно рассматривать прагматические функции языковых единиц в тех случаях, когда они служат для отражения тех или иных параметров реализуемого речевого акта. Особый интерес с этой точки зрения представляют языковые формы, обнаруживающие расхождение между их собственным номинативным значением и функцией, выполняемой в конкретном речевом употреблении. Эти обстоятельства заставляют обращаться к прагматическому подходу при их анализе, нацеленному прежде всего на изучение коммуникативных категорий, способов их выражения в языке, а также выявление сдвигов в семантике языковых форм при их речевой реализации.

Исследование выявило, что в современном английском языке к числу единиц, способных выполнять двойственные функции, можно отнести некоторые глаголы умственной деятельности. Употребляемые в номинативной функции, такие глаголы служат для обозначения различных аспектов и ситуаций умственной деятельности человека. Однако при употреблении в речи в 1-ом Л. ед. ч. настоящего неопределённого времени в сочетании с придаточным дополнительным предложением их номинативная функция как бы „уходит” на второй план, и они начинают играть роль „речевых слов”, или операторов, указывающих на различные компоненты производимого акта речи, т.е. в таких условиях их номинативная функция меняется на прагматическую. Сама потенциальная возможность изменения семантики языковых единиц в конкретном речевом акте предопределяется многоаспектностью его структуры, включающей такие уровни, как локуция, пропозиция, иллюкуция, перлокуция, и две стороны речевого акта — формальную, в которую входит набор языковых форм, интонация, кинесика, и содержательную, объединяющую пропозициональное значение и прагматические компоненты.

В подвергнутой анализу выборке из текстов интервью на английских телевизионных каналах наиболее частотным был отмечен случай употребления в форме 1-го Л. ед. ч. наст. неопр. вр. в сочетании с придаточным допол-

нительным предложением глагол умственной деятельности 'to think', а также отмечены глаголы 'to suppose', 'to believe', 'to expect', 'to hope', 'to guess', 'to understand', 'to gather', 'to presume', 'to consider', 'to suggest'.

Анализ речевых актов показал, что наиболее часто феномен уклонения встречается в ассертивах, которыми говорящий сообщает о положении дел в мире и одновременно фиксирует свою ответственность за достоверность сообщаемой информации. Например:

(1) A: Conservative commentators such as Rush Limbaugh have accused the American press and specifically the „liberal TV news establishment” of doing everything in its power to ensure that a Democrat stays in the Whitehouse. Today he suggested that the press „orgasm” over McCain's victory in New Hampshire was because McCain has several skeletons in his cupboard which they will relish exposing should he become the GOP's presidential candidate, thus enhancing Al Gore's chances of going the whole way. Is there a liberal conspiracy in the US TV news establishment?

B: Being a cynical Brit, I subscribe to the cock-up rather than conspiracy view of history! Most journalists love John McCain for two reasons: he always has time for the press and he has made their job more interesting. Most of my American journalist friends were dreading the idea of a predictable Bush/Gore race. The American press is so diverse, especially when you consider the thousands of state TV channels and newspapers and websites, *I think it's impossible to talk of an orchestrated conspiracy of any kind* (BBC News, 4.02.2000).

Все коммуникативные шаги за исключением последнего являются репрезентативами, сообщающими определенную информацию. Завершающий коммуникативный шаг представляет собой ассертив и является открытым уклонением — „отводом” вопроса, заявляющим о его ложной предпосылочности (возможности либерального заговора в СМИ).

В примере (2) How has the national debt personally affected each of you...? — I think that the national debt affects everybody... (BBC World, 15.01.1996) говорящий выражает свое убеждение в том, что пропозициональное содержание высказывания истинно и указывает, что убеждение является его собственным мнением. Что касается уклончивости в ответе, то она скрытая: спрашивающий задает более или менее определенный вопрос, отвечающий же ставит фокус вопроса внутрь более общего контекста, расширяя сферу вопроса. В данном примере сама информация передается содержанием придаточного предложения. Глагол 'to think', вводящий его, отражает такие параметры данного речевого акта, как иллюкутивная цель — утверждение ответственности за истинность выражаемого суждения и психологическое состояние говорящего — убеждение. Эти два прагматических значения присущи всем глаголам умственной деятельности, употребляемым в данном типе речевых актов. Однако отмеченная возможность варьирования глаголов умственной деятельности в

данной позиции свидетельствует о том, что помимо этих двух компонентов ассертивного речевого акта разные глаголы могут указывать на какие-то дополнительные его признаки.

Так, все глаголы субъективной модальности, значения которых различаются по признаку „достоверность суждения”, при использовании в ассертивах отражают такое их свойство, как иллюкутивная сила. В данном случае это степень ответственности говорящего за достоверность сообщаемого. Поэтому, если сравнить, например, речевые акты с глаголами 'to think', 'to believe', 'to suppose', в значении которых имеются соответственно семантические компоненты „истинность”, „вероятность”, „возможность”, то нетрудно заметить, что обладая одинаковой иллюкутивной целью и отражая одно и то же психологическое состояние говорящего, они из-за различного значения своего семантического компонента подают высказываемое суждение с разной степенью ответственности говорящего за его истинность. В первом случае — с глаголом 'to think' — с точки зрения говорящего оно полностью соответствует действительности, во втором случае — с глаголом 'to believe' — говорящий менее уверен в достоверности сообщаемого, в третьем случае — с глаголом 'to suppose' — утверждение подается как гипотетическое. Например:

(3) A: Mr. Chao, after the presidential election, regardless of the result, do you see an increase in the division of the people on Taiwan? Can the conflict between the mainlanders, who came to Taiwan after the civil war, and the native Taiwanese be resolved?

B: In fact, President Lee Teng-hui has proposed the concept of „new Taiwanese”, which encourages people of every ethnic group to look toward the future, identify with Taiwan, and co-operate with each other, while remembering the lessons of history. Thus, no matter who came to Taiwan earlier, everyone should concurrently consider themselves Taiwanese and Chinese. This is the concept of being a part of the same organic body.

Frankly speaking, after decades of intermarriage and assimilation, it is difficult to tell the difference between „native Taiwanese” and „mainlanders”. *I sincerely believe that social and democratic forces will help to reduce or eliminate questions of ethnic differences. I am very optimistic that we can achieve this result* (BBC News, 14.03.2000);

(4) „They 're the big cowy things that jump like hares, aren't they?” „*I suppose that describes them*”, Wilson said (Hemingway).

Уклончивое высказывание представляет собой косвенный утвердительный ответ.

Возможность расположения пропозициональных значений ассертивов по шкале „истинно-ложно” в зависимости от выражаемой степени ответственности говорящего за сообщаемую информацию можно рассматривать в качестве одного из аргументов за выведение оценочных сужде-

ний из класса ассертивных речевых актов, ибо оценки не укладываются в противопоставление „истинность-ложность”, они соотносятся с параметрами „хорошо-плохо”, „правильно-неправильно” и т.п.

Глаголы 'to hope' и 'to suspect', употребляющиеся в ассертивах, благодаря наличию в их семантической структуре признаков „желание” и „подозрение”, могут отражать еще один компонент речевого акта — соотнесенность сообщаемой информации с интересами говорящего. Для выражения заинтересованности используется глагол 'to hope', глагол 'to suspect' отражает опасения говорящего по поводу сообщаемого. Например:

(5) „... You don't like her?” „Well, I hope she won't be jealous of your sister!” (Galsworthy).

Реагирующая реплика представляет собой скрытое уклонение — размещение фокуса вопроса в рамках другого, отличного от вопроса контекста.

(6) A: Can you vow, right here in print, never to have Carrot Top on your show again?

B: I suspect he's on this week. It's election time. We need his opinion (Time, 13.11.2000).

Первый коммуникативный шаг адресата — открытый тип уклонения, косвенный отрицательный ответ.

Как следует из вышеописанных случаев, отражение каких-либо дополнительных признаков речевого акта происходит благодаря наличию в структуре значения глаголов умственной деятельности определенных семантических компонентов. При выполнении глаголом 'to think' своей основной, номинативной функции семантические компоненты в структуре значения глагола играют вспомогательную роль. Их назначение заключается в конкретизации ядерных сем, которым принадлежит ведущая роль при обозначении той или иной ситуации умственной деятельности (см. детальный анализ глаголов умственной деятельности в работе [Нефедова, 1983]. Когда те же самые глаголы используются в прагматических функциях, происходит перегруппировка структуры их значения, выдвижения конкретизирующих компонентов на первый план. С нашей точки зрения, в этом заключается суть механизма варьирования семантики глагола 'to think' в условиях конкретного речевого акта.

Согласно данным нашей выборки в речевых актах-комиссивах употребляется только два глагола умственной деятельности — 'to think' и 'to guess' (последний ограничен употреблением в этой функции только в американском варианте английского языка). Глаголы 'to think', 'to guess' отражают иллюкутивную цель речевого акта — возложить на себя обязательство совершить некое действие в будущем. Комиссив характеризуется также признаком намеренности со стороны говорящего как его психологического состояния. Например: (7*) Do you think that it is true? — I think I'd like to just talk about issues [Galasinski, 1996, 3]. Ответ является

открытой попыткой управлять тематическим содержанием сообщения, реагирующий подразумевает, что не желает отвечать на вопрос как не принадлежащий к теме, в рамках которой он хочет сотрудничать. Однако вряд ли можно приписывать отражение этого параметра речевого акта только глаголам умственной деятельности. Первостепенную роль здесь играет значение глагола, описывающего будущее действие в придаточном предложении. Это должно быть действие, которое согласуется с интересами говорящего или зависит от его воли, только в этом случае говорящий может выражать намерение совершить его.

В директивах, или побудительных речевых актах, исходя из данных выборки, также используются глаголы умственной деятельности, включая глагол 'to think', и глаголы 'to suppose', 'to guess', 'to hope', 'to understand', 'to gather', 'to presume'. Так как иллокутивная цель директивов заключается в воздействии на слушающего для того, чтобы он совершил какое-то действие в будущем, то в них обязательно присутствие личного местоимения 'you' (реже местоимения 'we', объединяющего говорящего и слушающего) в качестве подлежащего придаточного предложения и сказуемого, относящегося к будущему времени. Например: (8) *When unemployment goes over 3 million that adds to crime? — I think you'll have to be very careful in making that equation because it looks as though the criminals are to be found among the unemployed...* (BBC News, 15.05.1996).

Дополнительным параметром данного типа речевых актов, отражаемых с помощью глаголов умственной деятельности, является сила воздействия говорящего на слушающего. Это достигается за счет соответствующих семантических компонентов в значении глаголов умственной деятельности. Так, употребление в побудительных речевых актах глаголов, различающихся по признаку «достоверность суждения», обеспечивает подачу и восприятие директивы как приказания в случае с глаголом 'to guess' или как предложения в случае с глаголом 'to suppose'.

Интересно, что использование в директивах-вопросах глагола 'to understand', содержащего в структуре своего значения семантический компонент, указывающий на основу формирования суждения („информация”), дает возможность отразить и такой параметр речевого акта как фоновые знания говорящего. Поэтому в случае употребления глагола 'to understand' вопрос звучит почти риторически, говорящий уже имеет необходимую информацию и ждет от слушающего лишь ее подтверждения. Например:

(9) *Baroness Gardner of Parkes: My Lords, will the Chairman of Committees tell us what consultation takes place in relation to public transport? Many of us would wish to use public transport but the bus stops in Whitehall have been moved a long way from Parliament Square. I can tell the House that the bus stops for the 11 and 24 buses are near the Department of Health instead of being within reach of the House.*

The Chairman of Committees: My Lords, *do you understand that, strictly speaking, that is not a matter for me nor for your Lordships' committees?* However, I have no doubt at all that what has already been said on this subject this afternoon in your Lordships' House will reach the right channels. If it does not, steps will be taken to see it does (Lords Hansard text for 12 Oct 1998: Column 696-697).

Первый коммуникативный шаг представляет собой открытое уклонение — „отвод” вопроса из-за его неверной адресации.

Употребление в аналогичных конструкциях глаголов ‘to suppose’, ‘to presume’, наоборот, подчеркивает желание говорящего получить ответ на свой вопрос, и он может быть как положительным, так и отрицательным.

Психологическое состояние говорящего в побудительных речевых актах — желание, потребность. Помимо директивов-вопросов с глаголами ‘to suppose’, ‘to presume’, оно наиболее четко отражается в употреблении в директивах глагола ‘to hope’, имеющего аналогичную сему «желание» в структуре своего значения.

Уклончивый тип речевого реагирования зафиксирован в экспрессивах. Глаголов умственной деятельности в уклончивых речевых актах-экспрессивах в работе выявлено не было. Приведем несколько примеров уклончивого экспрессива:

(10) „D’you think he’s going to admit that, even if we could call him?”

Fleur was silent, thinking of Fransis Wilmot’s face. „Oh!...” she said at last.” *How horrid it all is!*” (Galsworthy).

Уклонение в нем представлено восклицательной конструкцией — „отводом”, подразумевающим невозможность ответа.

(11) Lord Harrison: My Lords, will my noble friend accept the plaudits of both the travel and tourism industries for the halving this week under the Budget of the airport passenger departure tax, which in itself was an inhibition to encouraging tourists to come to the United Kingdom? Can the Government now go one step further and eliminate this Tory stealth tax?

Lord McIntosh of Haringey: My Lords, on behalf of the Chancellor of the Exchequer, *I am happy to accept the plaudits mentioned by my noble friend. However, I am not prepared to predict any further changes in government taxation policy* (Lords Hansard text for 5 Apr 2001: Column 907).

Реакция лорда представлена уклончивым коммуникативным ходом, включающим экспрессив и „отвод” в виде открытого заявления о неготовности к ответу.

Исключение составляет лишь глагол ‘to hope’, используемый, как правило, в сочетании с отрицательными придаточными предложениями для выражения сочувствия или извинения.

Использование глаголов умственной деятельности, согласно данным выборки, в декларациях отмечено не было.

Итак, феномен уклонения может встречаться в различных речевых актах, чаще всего в репрезентативах и ассертивах. В них необходимо отметить прагматическую полифункциональность глагола 'to think', который выполняет в разных речевых актах различные прагматические функции. Результаты анализа позволили выявить четкую взаимосвязь между семантикой этого глагола и его возможностью отражать определенные параметры речевого акта.

Литература

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985. — 228 с.
2. Гак В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи // ИЯШ. — 1982. — №5. — С.11-17.
3. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1986. — С.7-21.
4. Куликова О.В. Лингвистические средства развертывания аргументации в публицистическом тексте (на материале парламентских выступлений): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1989. — 22 с.
5. Нефедова Л.Б. Статические и динамические аспекты глагольной семантики в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1983. — 192 с.
6. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып.17. Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1986. — С.195-222.
7. Galasinski D. Deceptiveness of evasion // Text. — 1996. — Vol.16. — №1. — P.1-22.

Е.В.ПУПЫНИНА

г.Белгород

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАГМЕНТОВ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ „AREA”, „TERRITORY”

Задача предлагаемой статьи состоит в рассмотрении с позиций концептуальной организации конкретных фрагментов пространственной концептосферы, вербализованных лексическими единицами area и territory.

Прежде чем приступить к изложению сути проблемы, вкратце остановимся на определении релевантных для данного анализа характеристиках концепта.

Концепт — это некоторое поле опыта, границы которого определяют его составляющими, или концептуальными признаками. Под ними понимаются „отдельные признаки объективной или субъективной действительности, дифференцированно отраженные в содержании концепта” [Попова, Стернин, 1999, 17]. Однако, это не простая совокупность признаков, а их целостность. Определение очертаний концепта очень условно, поскольку его составляющие взаимодействуют, соединяются, пересекаются, образуя определенный концептуальный план. Эта особенность позволяет предположить, что концепт — это, с одной стороны, смыслопорождающий